

УДК 34

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО И
АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ**

Кожокару Надежда Владимировна,
магистрант юридического института РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань
nadyacoj@mail.ru

Научный руководитель:
Дазмарова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического института
РГУ им. С.А. Есенина, к.ю.н, доцент, dazmar@yandex.ru
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Аннотация: Настоящая статья посвящена комплексному анализу взаимодействия норм гражданского и антикоррупционного законодательства применительно к институту прекращения права собственности. Особое внимание уделяется правовым механизмам, направленным на устранение негативных последствий коррупционных правонарушений, выражающихся в незаконном приобретении или удержании имущества. Исследуются проблемы правоприменения и предлагаются пути совершенствования законодательства для обеспечения эффективной защиты прав собственников и противодействия коррупции.

Ключевые слова: право собственности, прекращение права собственности, коррупция, антикоррупционное законодательство, гражданское законодательство, изъятие имущества, реституция, конфискация, незаконное обогащение, истребование имущества, нормативные акты.

Право собственности является одним из фундаментальных институтов гражданского права, обеспечивающим стабильность гражданского оборота и гарантии реализации экономических прав граждан и юридических лиц. Однако, наряду с обеспечением защиты прав собственников, законодательство также предусматривает случаи и основания для прекращения права собственности. Одной из наиболее болезненных проблем современного общества является коррупция, которая оказывает деструктивное воздействие на все сферы государственной и общественной жизни, включая экономические отношения и право собственности.

В соответствии с нормами Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — Закон о контроле) закреплен

особый механизм обращения имущества в доход Российской Федерации, однако его правовая природа сущностно не определена, в связи с чем актуальность теоретических исследований неоспорима.

Общественные отношения, возникающие в рамках реализации механизма обращения имущества в собственность государства при несоответствии расходов законным доходам должностного лица и членов его семьи, выступают объектом настоящей работы. Система контроля над расходами чиновников — явление, постоянно развивающееся и входящее в общую структуру антикоррупционных мероприятий государства [1].

Комплексное рассмотрение проблемы правовой природы изучаемого механизма, а также дефиниции института обращения имущества в собственность государства при противостоянии коррупции, учитывающий аспекты места исследуемых норм в системе российского права, в настоящее время в отечественной доктрине отсутствуют, что характеризует научную новизну исследования и его результатов, имеющих как теоретическое, так и практическое значения.

Поскольку механизм обращения имущества в собственность государства при несоразмерных доходам расходах применяется в процессе противодействия коррупции, то анализ правовой природы целесообразно начинать с вопроса о месте института в процессе противостояния с коррупцией. В силу дефинитивной нормы в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» противостояние коррупции определяется как «деятельность . . . по профилактике коррупции, борьбе с ней и минимизации ее последствий» [3]. Анализ определения позволяет заключить, что существует три направления противостояния с коррупцией: а) профилактика; б) борьба; в) минимизация ее последствий. Такая же позиция по рассмотрению противодействия коррупции как сложного конструкта выявлена у И. Н. Федулова и С. С. Квача, выделяющих три направления, три элемента в противодействии коррупции [2].

Гражданское законодательство традиционно устанавливает исчерпывающий перечень оснований прекращения права собственности. К ним, в частности, относятся: отчуждение собственником своего имущества другому лицу, отказ собственника от права собственности, гибель или уничтожение имущества, утрата права собственности на имущество, которое не может ему принадлежать, и другие основания, предусмотренные законом (ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Антикоррупционное законодательство, в свою очередь, направлено на противодействие коррупционным преступлениям и правонарушениям, в числе которых нередко встречается незаконное формирование активов. В рамках антикоррупционного регулирования могут предусматриваться специальные механизмы, затрагивающие право собственности, направленные на принудительное изъятие имущества, полученного в результате коррупционных действий.

Важно отметить, что антикоррупционное законодательство не создает самостоятельных оснований для прекращения права собственности в

общегражданском смысле, а скорее дополняет и модифицирует существующие гражданско-правовые механизмы, вводя дополнительные, специализированные процедуры, обусловленные особой природой антикоррупционной политики.

Институт обращения имущества в собственность государства при несоответствии расходов законным доходам в структуре противодействия коррупции можно отнести к направлению минимизации последствий, поскольку коррупционный деликт уже совершен, что не позволяет в полном объеме относить его к профилактике.

Кроме того, аргументом для такой позиции служит мнение А. М. Цирина, В. В. Севальнева, которое состоит в наличии факта осознания государством контрпродуктивности применения исключительно уголовно-правовых мер для противостояния с коррупцией, так как государство стремится не только к наказанию за коррупционный деликт, но и возмещению ущерба, нанесенного коррупцией [3].

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что институт обращения имущества в доход Российской Федерации при несоразмерных доходам расходах относится к направлению минимизации последствий при противодействии коррупции. В частности, обращение к конституционной норме, закрепленной в ч. 3 ст. 35 Основного закона Российской Федерации и устанавливающей, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда», позволяет заключить, что ее возможно применять не только к общественным отношениям, складывающимся при конфискации имущества.

Другой момент, который необходимо исследовать при характеристике правовой природы института обращения в собственность государства имущества, в отношении которого не представлено сведений о законных основаниях его приобретения, - вопрос отраслевой принадлежности института. Необходимо, в первую очередь, указать, что исследуемый институт не входит в структуру норм уголовного права. Данный довод весьма удачно аргументируется Г. Н. Янкиным, обоснованно отмечающим, что уголовно-правовая конфискация имущества базируется на коррупционном преступлении, а не на административно-правовом или гражданско-правовом правонарушении [4].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что уголовно-правовая принадлежность института полностью отсутствует. Однако, остается неразрешенным вопрос об отнесении исследуемого института к нормам гражданского или административного отраслей права.

На гражданско-правовые корни института указывает нижеследующее.

Во-первых, нормы о прекращении права собственности по такому основанию закреплены именно в системе норм гражданского права. В частности, в 2012 г. был введен в действие пп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым допускается принудительное прекращение права собственности при обращении в доход Российской Федерации по решению суда имущества, в отношении которого

отсутствуют доказательства его приобретения на законные доходы.

Во-вторых, юрисдикционный механизм обращения имущества в доход государства основан не только на упомянутых выше материальных гражданско-правовых нормах, но и на процессуальных: в силу ч. 1 ст. 17 Закона о контроле прокурор обращается с заявлением об обращении в доход Российской Федерации имущества «в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве». Юрисдикционный механизм привлечения к ответственности — критерий для определения отраслевой принадлежности правонарушения [5].

На административно-правовые корни института обращения имущества в собственность государства указывает ч. 1 ст. 16 Закона о контроле, закрепляющая возможность освобождения от должности лица, за расходами членов семьи которого осуществляется контроль.

Однако, необходимо указать, что в Законе о контроле имеется пробел: ч. 1 ст. 16 называет правонарушением сам факт непредставления сведений о расходах, в то время как факт превышения расходов над доходами формально не именуется «правонарушением» в данном нормативно-правовом акте.

Де-юре получается, что превышение расходов над законными доходами не есть правонарушение? Если же это все же правонарушение, то какова его отраслевая принадлежность?

Во-первых, ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ закрепляет 4 вида ответственности: уголовно-правовая, административно-правовая, дисциплинарная, гражданско-правовая.

Конституционный суд Российской Федерации в абз. 2 п. 5 своего Постановления от 29.11.2016 № 26-П именуется обращение имущества в собственность государства при несоответствии расходов законным доходам «особой мерой государственного принуждения», которая применяется в случае нарушения антикоррупционного законодательства лицом, выполняющим публичные функции (то есть, по мнению суда имеется факт нарушения неких межотраслевых норм по противодействию коррупции).

В-третьих, П. П. Серков указывает, что современная отечественная теория права термин «юридическая ответственность» характеризует как «меру государственного принуждения» [6].

Р. С. Закалюжный и А. Р. Закалюжная придерживаются мнения о проявлении в исследуемом механизме признаков гражданско-правовой ответственности в виду юрисдикционных особенностей [7].

Также представляется возможным выделить признаки административно-правовой ответственности, поскольку субъект в силу ч. 1 ст. 16 Закона о контроле освобождается от занимаемой (замещаемой) должности.

Обязанность по предоставлению сведений о соответствии расходов законным доходам установлена нормой в статье 20 Конвенции Организации объединенных наций против коррупции от 2003 г. о незаконном обогащении, которая стала предпосылкой для появления указанной обязанности, что

указывает на наличие международно-правовых корней у анализируемого института (однако, подобного рода незаконное обогащение в государственном аппарате декриминализированно в России в отличие от международных норм).

Д.В. Ливенцев обоснованно указывает на возможность существования «межотраслевой» юридической ответственности [8]. Поскольку по вышеотмеченному мнению Конституционного суда Российской Федерации рассматриваемый коррупционный деликт предполагает нарушение «антикоррупционного законодательства», конкретная отраслевая принадлежность которого не определена, то с учетом вышеизложенного можно сделать следующий вывод: несмотря на пробел в Законе о контроле, факт необоснованного превышения расходов над законными доходами является правонарушением в области антикоррупционного законодательства, которое предполагает межотраслевое применение государственного принуждения.

Таким образом, определена комплексная, межотраслевая природа института обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений о законных источниках его приобретения. На основании изложенного представляется возможным дать следующее определение исследуемого института: относящийся к направлению минимизации последствий в рамках противодействия коррупции комплексный субинститут института конфискации, предполагающий на основании решения суда обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено доказательств законных оснований его приобретения.

Антикоррупционное законодательство, закрепляя основания для изъятия имущества, в значительной степени опирается на гражданско-правовые институты. Например, иск об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного за счет незаконных доходов, носит гражданско-правовой характер, хотя и иницируется в рамках антикоррупционных мер. Статья 104.1 УК РФ прямо указывает на возможность конфискации имущества, полученного в результате совершения ряда коррупционных преступлений. При этом, бремя доказывания законности происхождения имущества возлагается на собственника. Новый этап в развитии антикоррупционного законодательства связан с введением механизмов, позволяющих обращать в доход государства имущество, законность происхождения которого не может быть доказана, даже если оно приобретено не непосредственно в результате совершения преступления, а является результатом законного оборота. Федеральный закон от 30.12.2020 № 509-ФЗ внес значительные изменения в законодательство, усиливая возможности государства в борьбе с незаконным обогащением. Так, в соответствии со статьей 254.1 ГПК РФ, статьей 295.1 АПК РФ, органы прокуратуры получили право обращаться в суд с иском об обращении в доход Российской Федерации недвижимого и движимого имущества, транспортных средств, ценных бумаг, долей в уставном капитале организаций, акций, а

также наличных денег и банковских вкладов, если стоимость указанного имущества превышает стоимость, которую гражданское лицо может обосновать своими доходами за период, предшествующий его приобретению, а также в случаях, когда гражданское лицо не представило доказательств законности его приобретения. Важно отметить, что законодательство стремится сбалансировать антикоррупционные меры с защитой прав добросовестных приобретателей. Если имущество, незаконно приобретенное в результате коррупционной деятельности, перешло к добросовестному приобретателю, который не знал и не мог знать о незаконности его происхождения, то в отношении такого приобретателя возможно применение только реституции (возврат его средств, уплаченных за имущество) или возмещение стоимости имущества, а не его конфискация.

Несмотря на декларируемую цель защиты общества от коррупции, практика применения норм, затрагивающих право собственности, выявляет ряд проблем: коллизии норм и неоднозначность правоприменения, недостаточная спецификация требований к доказательствам, проблемы защиты прав третьих добросовестных лиц, отсутствие единого подхода к оценке «незаконности» происхождения имущества.

Таким образом, взаимодействие гражданского и антикоррупционного законодательства в сфере прекращения права собственности представляет собой динамично развивающийся институт, направленный на обеспечение справедливости, экономическую безопасность и борьбу с коррупцией. Эффективное разрешение этой задачи требует постоянного совершенствования законодательства, выработки четких правовых механизмов, обеспечивающих баланс между интересами государства в борьбе с коррупцией и фундаментальным правом частной собственности.

Гражданско-правовые инструменты, такие как виндикация, реквизиция, а также специальные антикоррупционные нормы, включая конфискацию и механизмы обращения в доход государства имущества, законность происхождения которого не может быть доказана, играют ключевую роль в нейтрализации последствий коррупционной деятельности. Дальнейшее совершенствование законодательства и практики его применения позволит более эффективно противодействовать коррупции и защищать права и законные интересы граждан и общества. Только путем комплексного и последовательного подхода можно достичь цели по созданию надежной системы защиты от незаконного обогащения и обеспечению правопорядка.

Список использованных источников:

1. Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Отдельные проблемы правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 243—250. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.361.
2. Федулов И. Н., Квач С. С. Противодействие коррупции в Российской Федерации : современное состояние и перспективы // Вестник

Югорского государственного университета. № 3 (54). 2019. С. 26 - 31.

3. Цирин А. М., Севальнев В. В. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 144 - 156.

4. Янкин Г. В. Об улучшении эффективности расследования коррупционных правонарушений и преступлений в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. № 3 (24). 2018. С. 371 - 375.

5. Пивоварова О.Г. Некоторые вопросы межотраслевого применения юридической ответственности// Вестник Удмуртского университета. 2010. №2(2) с.65

6. Серков П. П. О понятии юридической ответственности // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 42 - 49.

7. Закалюжный Р. С., Закалюжная А. Р. Актуальные проблемы применения положений Федерального закона N 230 -ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (на примере конкретного дела) // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 33- 37.

8. Ливенцев Д. В. Альтернативная юридическая ответственность: понятие и критерии институционализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 317 - 321.